

КАТЕГОРИИ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ В ПРИКУБАНЬЕ И МЕЖДУРЕЧЬЕ ВОЛГИ И УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РОЛИ В КУЛЬТУРЕ ВАРВАРОВ

А.В. Безруков*, В.В. Улитин**

* *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*
buonogiorno@mail.ru

** *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия*
ulitin_vladislav@yahoo.com

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ функций и роли различных категорий античной керамики в быту и культуре варваров ближней и дальней варварской периферии античного мира – оседлых меотов, кочевых сарматов Прикубанья и кочевых племен междуречья Волги и Урала.

Сравнительный анализ проводился в рамках III в. до н.э. – II в. н.э. На протяжении этого периода в обоих регионах присутствовало сарматское кочевое население и использовалась античная керамика. Керамика была рассмотрена по категориям (амфоры, красноглиняная боспорская керамика, сосуды для благовоний, черно-, буро- и краснолаковая посуда, «мегарские» чаши, лагиноссы, фигурные сосуды, пифосы, светильники, черепица, терракотовые статуэтки, терракотовые медальоны).

Проведенный анализ показывает, что античная керамика (а также греческие товары, перевозившиеся в ней в том случае, когда она использовалась в качестве тары) вошла в быт варваров и использовалась в погребальном обряде и в Прикубанье, и в междуречье Волги и Урала. Однако для ближней периферии фиксируется более разнообразный ее ассортимент. Кроме того, через керамику греческая культура оказывала заметное культурное воздействие на меотов и сарматов ближней периферии – Прикубанья. На дальней периферии, у кочевников междуречья Волги и Урала античная керамика ни в культуре, ни в торговых операциях (по сравнению с другими категориями импортной посуды – кружальной керамикой кубанских, донских и среднеазиатских центров) даже в период наивысшего развития торговых связей с античным миром существенной роли не играла.

Ключевые слова: Прикубанье, Волга, Урал, варвары, кочевники, керамический импорт, меоты, сарматы, периферия

Безруков Андрей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Улитин Владислав Всеволодович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета.

Влияние степени удаленности областей варварского мира от античных центров на степень и особенности использования античной керамики варварами, а также ее роль в их культуре представляют особый интерес. В научной литературе уже давно принято условное выделение ближней и дальней варварской периферии, сравнительный анализ состава импорта с территории которых дает дополнительные возможности для изучения не только особенностей экономического развития варварских племен, но и их культуры. В отношении двух таких регионов – Прикубанья как ближней периферии античного мира и междуречья Волги и Урала как дальней его периферии – нами уже проводился сравнительный анализ состава керамического импорта¹. В то же время не было уделено достаточного внимания вопросам, связанным со сравнением функций и роли различных категорий античной керамики в быту и культуре варваров рассматриваемых территорий (оседлых меотов, кочевых сарматов в Прикубанье и кочевых племен в междуречье Волги и Урала). Они и будут рассмотрены в настоящей статье.

Следует отметить, что в регион междуречья Волги и Урала мы включаем территории степной части Приуралья, Южного Урала, Нижнего и Среднего Поволжья, которые в настоящее время входят в состав Астраханской, Волгоградской, Оренбургской, Самарской и Саратовской областей, а также Республики Башкортостан. Выбранные хронологические рамки (III в. до н.э. – II в. н.э.) объясняются присутствием в это время сарматского кочевого населения и использованием античной керамики в обоих регионах. Рассмотрим ее по категориям.

И в Прикубанье, и в междуречье Волги и Урала среди категорий керамики известны амфоры. Можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что практически всегда в них поступало вино, поскольку оливковое масло не пользовалось популярностью у варваров. Находки амфор свидетельствуют об употреблении вина и меотами Прикубанья, и кочевым населением обоих регионов². Открытым остается вопрос об оценке импорта вина в варварскую среду и соответственно о степени употребления его ими. Немногочисленность находок амфор на сарматских памятниках может быть объяснена либо значительно меньшим по сравнению с оседлым меотским населением употреблением вина, либо тем, что оно традиционно поступало к сарматам в иной таре – бурдюках. Транспортировка вина в бурдюках была характерна для степных районов междуречья Волги и Урала как в более ранние, так и в более поздние эпохи³. В пользу значимости вина для сарматов имеется свидетельство Страбона, который из всех товаров, приобретаемых кочевниками в Танаисе, отдельно называет только вино и одежду (Strab. XI, 2, 3)⁴. Есть основания считать, что отдельное упоминание вина первым в этом перечне, вероятно, не является случайным. У меотов вино достаточно рано и прочно вошло в их быт и религиозные представления, что подтверждают амфоры в погребальных и ритуальных комплексах, и копирование таких категорий посуды для вина, как канфары⁵. Об определенной роли вина в религиозных представлениях сарматов могут свидетельствовать редкие находки амфор в сарматских по-

¹ Безруков, Улитин 2017.

² Безруков, Улитин 2017, табл. 1–2.

³ Брашинский 1984, 186; Акбулатов 1999, 67.

⁴ Брашинский, 1984, 183.

⁵ Улитин 2016, 220–225

гребениях, их фрагментов на культовых площадках Лебедевского могильника, связанных, скорее всего, с умиловительными обрядами⁶, и изображение на золотом фаларе из Северского кургана, по словам Д.С. Раевского, воспроизводящее мотивы, «характерные для античного дионисийского культа и, видимо, как-то реинтерпретированные в сармато-среднеазиатской среде»⁷. Вино могло составить конкуренцию кисломолочным алкогольным напиткам самих сарматов, выступить достойным их заместителем, хотя степень такого замещения опять же неизвестна. Можно лишь предполагать, учитывая особую насыщенность разнообразными импортными предметами погребений в курганах «Золотого кладбища», что представители сарматской дружины, похороненные в них (там обнаружено три амфоры⁸), могли в большей степени употреблять вино, чем сарматы других территорий. Все найденные в сарматских могильниках междуречья Волги и Урала целые амфоры, включая светлоглиняные, являются гераклейскими. Не исключено, что это было связано с относительной дешевизной, крепостью и определенной популярностью гераклейского вина у кочевников, как это предполагается, например, в отношении скифов⁹. То же характерно и для периода после середины I в. до н.э. – с преобладанием на северопричерноморских рынках продукции именно этого центра, поставляемой уже в светлоглиняных амфорах. Известная находка синопской амфоры в одном из сарматских погребений Восточного Приазовья¹⁰ дает основания предполагать несколько большее разнообразие в отношении ассортимента вина, употреблявшегося сарматами Прикубанья, по сравнению с меотами¹¹. Находка гераклейской амфоры в Башкирии (в степной части Южного Приуралья) является одним из важных свидетельств употребления греческого вина кочевниками дальней периферии. Амфора, даже пустая, по-видимому, представляла определенную ценность, поскольку долго использовалась в кочевом хозяйстве¹², хотя в целом длительное бытование амфор не было для него характерным¹³. Не исключено, что приобретаемое у греков вино в большей степени могло поступать в междуречье Волги и Урала не в амфорах, а переливалось в том же Танаисе в бурдюки, принадлежавшие самим приехавшим туда сарматам.

Красноглиняная боспорская керамика известна была населению обоих регионов¹⁴, использовалась в быту и погребальном обряде. Как и кружальная в целом, она привлекала кочевников своим качеством и хорошим внешним видом. Несомненно также влияние моды, престижа, что уже было отмечено И.С. Каменецким по отношению к использованию греческой керамики меотами¹⁵. Роль античной керамики у меотов не ограничивалась ее использованием в быту и погребальном обряде. Начиная с середины V в. до н.э. вплоть до II в. до н.э., меоты подражали

⁶ Мошкова 1989, 212.

⁷ Раевский 1988, 449.

⁸ Ждановский 2015, 109–110.

⁹ Монахов 1999, 19.

¹⁰ Шевченко 2013, 72–74, рис. 64, 11.

¹¹ Безруков, Улитин 2017, 242, 246.

¹² Монахов 2006, 89.

¹³ Монахов, 1999, 22.

¹⁴ Лимберис, Марченко 2005, 268, рис. 16, 6, 24, 8, 27, 5, 41, 4, 48, 12, 13, 49, 4; Марченко 1996, 156–157, 160, 163–164; Шелов 1972, 216.

¹⁵ Каменецкий 2011, 323.

греческим формам керамики. Это влияние ощущается и позднее, хотя и ослабевает¹⁶. Достаточно заметной была роль красноглиняной керамики и в культуре сарматов Прикубанья. По мнению И.И. Марченко, красноглиняные кувшинчики с горизонтальной ручкой изготавливались специально для кочевников по типичной сарматской моде¹⁷. Н.Ф. Шевченко отмечает резкое возрастание у сарматов количества красноглиняной боспорской посуды на рубеже II–I вв. до н.э. и поступление в степь серий однотипной керамики, изготовленной с учетом пристрастий местного рынка¹⁸. В междуречье Волги и Урала мы ничего подобного не наблюдаем. Доля красноглиняной боспорской керамики от общего количества импортной керамики в междуречье Волги и Урала ниже, чем в Прикубанье. Это происходило за счет того, что к сарматам Поволжья поступала также в большом количестве не только меотская кружальная посуда прикубанских центров (как и к сарматам Прикубанья), но также и донских, а в Южном Приуралье из красноглиняной керамики использовалась в основном среднеазиатская¹⁹.

Сосуды для благовоний (унгвентарии, бальзамарии) известны на всех рассматриваемых территориях – и у меотов, и у сарматов²⁰. Однако, как использовались эти сосуды и сами благовония на варварской территории, до конца не ясно. Судя по унгвентариям очень большого размера, найденным в сарматских комплексах Прикубанья и предназначенным, по мнению И.И. Марченко²¹, для поставок благовоний на варварские территории, нельзя исключать того, что в данном регионе благовония могли употребляться не только (а может и не столько) в быту, но и для посмертных ритуалов, как это имело место, например, в погребальной практике боспорских греков.

Черно-, буро- и краснолаковая керамика поступала к меотам, сарматам Прикубанья и сарматам междуречья Волги и Урала²². Ее употребление в быту и погребальном обряде, судя по всему, было связано с представлениями о престиже. В междуречье Волги и Урала находки лаковой посуды редки (на Урале и в Прикамье ее практически нет), в основном она малоазиатского происхождения, невысокого качества и найдена в погребениях, не содержащих иных импортных предметов²³. Мегарские чаши обнаружены в небольшом количестве в погребениях у меотов и сарматов Прикубанья, а также в междуречье Дона и Волги²⁴. Напротив, в междуречье Волги и Урала сосуды этой категории не зафиксированы. Очень редкие находки лагиносов в Прикубанье присутствуют и в меотских, и в сарматских ком-

¹⁶ Лимберис, Марченко 2016, 206.

¹⁷ Марченко 1996, 108; Лимберис, Марченко, Монахов 2011, 272.

¹⁸ Шевченко, 2013, 68.

¹⁹ Безруков, Улитин 2017, 249–252.

²⁰ Марченко 1996, 44; Эрлих (ред.) 2014, 36, кат. 214, 215; Шилов 1959, 469, рис. 53, 1; Смирнов 1959, 270, 321, рис. 25, 4.

²¹ Марченко 1996, 44.

²² Лимберис, Марченко 2005, 226, 268–269, рис. 25, 2, 46, 6, 48, 8, 49, 2, 8, 52, 7; Шевченко 2013, 74; Simonenko, Marčenko, Limberis 2008, kat. 9, 1, 28: 4, 6, 55, 1, 78, 1; 111, 1; 126, 1; 146, 2, 186: 1, 2, taf. 14, 4; 51, 5, 52, 7, 85, 1, 112: 2, 123, 126, 1, 155, 2, 194, 1, 2; Сеницын 1960, 50, рис. 16, 8; Кропоткин 1970, 18; Смирнов 1960, 186, рис. 6, 13; Рыков 1925, 34.

²³ Безруков, Улитин 2017, 249–250.

²⁴ Лимберис, Марченко 2005, 227, рис. 26, 6, 27, 9, 36, 4; Анфимов 1986а, 191, рис. 6, 8. Анфимов 1986б, 183, рис. 1, 1; Скрипкин 1990, 30, рис. 17, 8–10.

плексах²⁵, но их нет в междуречье Волги и Урала. Находки фигурных сосудов известны в курганах «Золотого кладбища»²⁶, но в междуречье Волги и Урала они также отсутствуют.

Поскольку о быте кочевых сарматов мы вынуждены судить главным образом по данным могильников, существует еще одна проблема. Мы не всегда можем быть уверены, что конкретным набором керамической посуды, положенным в погребение, в том числе и античной керамикой, владелец пользовался и при жизни. Необходимо помнить о существовавшем отборе предметов для погребения.

Такие категории античной керамики, как пифосы, светильники, черепица, терракотовые статуэтки и терракотовые медальоны известны по находкам на меотских территориях²⁷, но отсутствуют у сарматов обоих регионов. Это можно связать, прежде всего, с особенностями хозяйства и быта кочевого населения.

Античная керамика (а также товары, перевозившиеся в ней в том случае, когда она служила тарой для продуктов) вошла в быт варваров и использовалась в погребальном обряде и в Прикубанье, и в междуречье Волги и Урала. Однако ее ассортимент был шире на ближней периферии античного мира, кроме того, через керамику греческая культура оказывала заметное воздействие на меотов и сарматов Прикубанья. Что касается античной импортной керамики найденной в междуречье Волги и Урала, то, как нам представляется, судя по количеству, составу и динамике поступления она для рассматриваемого региона в указанный хронологический период не являлась товаром, изначально предназначенным для обмена с представителями как местной племенной верхушки, так и рядовым населением. Возможно, данная категория импортных изделий демонстрирует нам своего рода продукцию, случайно попавшую в набор товаров, подготовленный непосредственно для обмена, либо это могли быть предметы из личного обихода торговцев, в силу различных причин, не обязательно обусловленных торговыми интересами их владельцев (оставленные, подаренные и т.д.), оказавшиеся на территории Урало-Поволжья.

На дальней периферии, у кочевников междуречья Волги и Урала, античная импортная керамика ни в культуре, ни в торговых операциях (по сравнению с другими категориями импортных предметов – кружальной керамикой кубанских, донских и среднеазиатских центров) даже в период расцвета торговых связей с античным миром существенной роли не играла.

ЛИТЕРАТУРА

- Акбулатов, И.М. 1999: *Экономика ранних кочевников Южного Урала*. Уфа.
Анфимов, И.Н. 1986а: Погребальный комплекс II в. до н.э. у хутора Элитный (Краснодарский край). В сб.: В.И. Марковин (ред.), *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 190–197.
Анфимов, Н.В. 1986б: Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили. В сб.: В.И. Марковин (ред.), *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 183–190.

²⁵ Лимберис, Марченко 2005, 228, рис. 18, 5; Марченко 1996, рис. 63, 4.

²⁶ Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: kat. 46, 2, 52: 1; taf. 72, 2, 80, 16.

²⁷ Шевченко 2013: 16, 19, 22–23, 31 рис. 32, 1–3, 5–6, 8–9, 37, 9; Городцов 1936, 212; Берлизов, Анфимов 2006, 128; Лимберис, Марченко 2005, 225.

- Безруков, А.В., Улитин, В.В. 2017: Особенности керамического импорта у кочевников Прикубанья и Волго-Камья во II в. до н.э. – II в. н.э. *Stratum plus* 3, 239–257.
- Берлизов, Н.Е., Анфимов, И.Н. 2006: Елизаветинский могильник № 1 (по данным рукописного архива Н.В. Анфимова). *МИАСК* 6, 121–138.
- Брашинский, И.Б. 1984: Торговля. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 174–186.
- Городцов, В.А. 1941: Станица Елизаветинская, 1936 г. В сб.: В.В. Гольмстен (ред.), *Археологические исследования в СССР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения*. М.–Л., 210–214.
- Ждановский, А.М. 2015: Некоторые вопросы торгово-экономических связей Прикубанья в сарматское время. *Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона* 3. Краснодар, 95–114.
- Каменецкий, И.С. 2011: *История изучения меотов*. М.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.–V в. н. э.)* (САИ Д1–27). М.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2005: Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани. *МИАК* 5, 219–324.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2016: О греческом влиянии на гончарное производство меотов. В сб.: И.А. Хаман (ред.), *Эллинистика в гуманитарном пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: материалы II Международной научно-практической конференции эллинистов, проведенной в рамках объявленного в 2016 году перекрестного года России и Греции (Краснодар, 21–23 апреля 2016 г.)*. Краснодар, 261–268.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И., Монахов, С.Ю. 2011: Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор. *АМА* 15, 265–283.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Монахов, С.Ю. 1999: *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.* Саратов.
- Монахов, С.Ю. 2006: О хронологии сарматского погребения с гераклейской амфорой из Башкирии. В сб.: А.В. Симоненко (ред.), *Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева*. Краснодар–Ростов-на-Дону, 89–93.
- Мошкова, М.Г. 1989: Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье. В кн.: А.И. Мелюкова (ред.), *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 153–214.
- Раевский, Д.С. 1988: Скифо-сарматская мифология. В кн.: С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*. Т. 2. М., 445–450.
- Рыков, П.С. 1925: Суловский курганный могильник. *Ученые записки Саратовского государственного университета* 4 (3), 28–102.
- Синицын, И.В. 1960: Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.). В кн.: Смирнов К.Ф. (отв. ред.), *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)* (МИА 78). Т. II, 10–168.
- Скрипкин, А.С. 1990: *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.
- Смирнов, К.Ф. 1959: Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. В кн.: Смирнов К.Ф. (отв. ред.), *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)* (МИА 60), Т. I, 206–322.
- Улитин, В.В. 2016: Вино в религиозных представлениях меотских племен Прикубанья: общая характеристика. В сб.: А.Н. Гей, И.А. Сорокина (ред.), *Археологическая на-*

- ука: *Практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого*. М., 220–227.
- Шевченко, Н.Ф. 2013: *Племена Восточного Приазовья на рубеже эры*. Ростов на-Дону.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Шилов, В.П. 1959: Калиновский курганный могильник. Смирнов К.Ф. (отв. ред.), *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)* (МИА 60). Т. 1, 323–523.
- Эрлих, В.Р. (ред.) 2014: *Древности «Долины яблонь». Каталог выставки*. М.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. (Archäologie in Eurasien 25)*. Mainz–Berlin.

REFERENCES

- Akbulatov, I.M. 1999: *Ekonomika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Economy of Early Nomads of the Southern Ural]*. Ufa.
- Anfimov, I.N. 1986a: Pogrebal'nyy kompleks II v. do n.e. u khutora Elitnyy (Krasnodarskiy kray) [2nd century burial complex at khutor Elitnyy (Krasnodar Territory)]. In: V.I. Markovin (ed.), *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza [Recent Discoveries in the Archaeology of Northern Caucasus]*. Moscow, 190–197.
- Anfimov, N.V. 1986b: Kurgannyy kompleks sarmatskogo vremeni iz basseyna r. Kirpili [Barrow complex of the Sarmatian Time in the Basin of the Kirpili River]. In: V.I. Markovin (ed.), *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza [Recent Discoveries in the Archaeology of Northern Caucasus]*. Moscow, 183–190.
- Bezrukov, A.V., Ulitin V.V. 2017: Osobennosti keramicheskogo importa u kochevnikov Prikuban'ya I Volgo-Kam'ya vo II v. do n.e. – II v. n.e. [Ceramic Import Peculiarities in the Nomadic Areas of the Kuban and Volga-Kama Region in 2nd c. BC to 2nd c. AD]. *Stratum plus* 3, 239–257.
- Berlizov, N.E., Anfimov, I.N. 2006: Elizavetinskiy mogil'nik № 1 (po dannym rukopisnogo arkhiva N.V. Anfimova [Elizavetinskiy burial ground № 1 (based on N.V. Anfimov's handwritten archive)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and Studies on the Archaeology of the North Caucasus]* 6, 121–138.
- Brashinskiy, I.B. 1984: Torgovlya [Trade]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya [Ancient States of the Northern Pontic Region]*. Moscow, 174–186.
- Erlikh, V.R. 2014: *Drevnosti «Doliny yablon'»*. *Katalog vystavki [Antiquities of the "Apple Trees Valley": Catalogue of the Exhibition]*. Moscow.
- Gorodtsov, V.A. 1941: Elizavetinskaya, 1936 g. [Elizavetinskaya stanitsa, 1936]. In: V.V. Golmsten (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v SSSR 1934–1936 gg. Kratkie otchyety i svedeniya [Stanitsa Elizavetinskaya, 1936. Archaeological Studies in the USSR in 1934–1936. Summaries and information]*. Moscow–Leningrad, 210–214.
- Kamenetskiy, I.S. 2011: *Istoriya izucheniya meotov [History of Maeotian Studies]*. Moscow.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Roman Import in Eastern Europe: from the 2nd Century BC to the 5th Century AD]* (Svod Arkheologicheskikh Istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–27). Moscow.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I., Monakhov, S.Yu. 2011: Novaya "prikubanskaya" seriya ellinisticheskikh amfor [New "Kuban" series of Hellenistic amphorae]. *Antichnyy Mir i Arkheologiya [Ancient World and Archaeology]* 15, 265–283.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2005: Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov Pravoberezh'ya Kubani [Chronology of ceramic complexes with antiquities imported from the excavations of Maeotic burial mounds on the Right Bank of the Kuban].

- ramic complexes with ancient import from the excavations of the Meotian Kuban River right bank burial grounds]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archaeology of Kuban] 5, 219–324.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2016: O grecheskom vliyaniy na goncharnoe proizvodstvo meotov [About Greek influence on Meotian pottery]. In: I.A. Khaman (ed.), *Ellinistika v gumanitarnom prostranstve: yazykovye, kulturologicheskie i didakticheskie aspekty: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ellinistov, provedyennoy v ramkakh ob'yavlennoy v 2016 godu perekryestnogo goda Rossii i Gretsii (Krasnodar, 21–23 aprelya 2016 g.)* [Hellenic studies in humanities knowledge: language, culturological and didactic aspects: proceedings of the 2nd International Applied Research Conference of Hellenists Held in the Context of 2016 Announced as the Russia-Greece Cross-year (Krasnodar, April 21–23, 2016)]. Krasnodar, 261–268.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Kuban Siraces (Basing on the Materials from the Barrow Burials from Lower Kuban Region)]. Krasnodar.
- Monakhov, S.Yu. 1999: *Grecheskie amfory v Prichernomor'ye. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek amphorae in the Pontic region. Complexes of ceramic ware from the 7th–2nd centuries BC]. Saratov.
- Monakhov, S.Yu. 2006: O khronologii sarmatskogo pogrebeniya s gerakleyskoy amforoy iz Bashkirii [About chronology of Sarmatian burial with Heracleian amphora from Bashkiria]. In: A.V. Simonenko (ed.), *Liber Archaeologicae. Sbornik statey, posviashchenny 60-letiyu Borisa Aronovicha Raeva* [Liber Archaeologicae. A Tribute to B.A. Raev's 60th Anniversary]. Krasnodar–Rostov-on-Don, 89–93.
- Moshkova, M.G. 1989: Savromaty i sarmaty v Volgo-Donskom mezhdurech'ye [Sauromatians and sarmatians in the interfluvium of the Volga and the Don.]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Stepi evropeiskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, 153–214.
- Raevskiy, D.S. 1988: Skifo-sarmatskaya mifologiya [Scythian-Sarmatian mythology]. In: S.A. Tokarev (ed.), *Mify narodov mira* [World myths] 2. Moscow, 445–450.
- Rykov, P.S. 1925: Suslovskiy kurgannyy mogil'nik [Suslovskiy Barrow Necropolis]. In: *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of the Saratov State University] 4 (3), 28–102.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and Lower Don in the First Centuries AD]. Moscow.
- Shevchenko, N.F. 2013: *Plemena Vostochnogo Priazov'ya na rubezhe ery* [Tribes of the East Azov Sea Shore on the Turn of Erae]. Rostov-on-Don.
- Shilov, V.P. 1959: Kalinovskiy kurgannyy mogil'nik [Kalinovsky Barrow Necropolis]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Studies in the Archaeology of the USSR] 60, 323–523.
- Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Ju. 2008: *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. (Archäologie in Eurasien 25)*. Mainz–Berlin.
- Sinitsyn, I.V. 1960: Drevnie pamiatniki v nizov'iyakh Eruslana (po raskopkam 1954–1955 gg.) [Ancient Sites in the Lower Yeruslan River Area: by 1954–1955 Excavations]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Studies in the Archaeology of the USSR] 78, 10–168.
- Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya (problemy khronologii i ee istoricheskoy aspekt)* [Sarmatia Asiatica: Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov.
- Smirnov, K.F. 1959: Kurgany y syel Ilovatka i Politodel'skoe Stalingradskoy obl. [Barrows at villages Ilovatka and Politodel'skoe of Stalingradskaya region]. In: *Materialy i issledo-*

- vaniya po arkheologii SSSR [Materials and Studies in the Archaeology of the USSR]* 60, 206–322.
- Ulitin, V.V. 2016: Vино v religioznykh predstavleniyakh meotskikh plemeny Prikuban'ya: obshchaya kharakteristika [Wine in religious beliefs of Meotian tribes of Kuban region: general characterization]. In: A.N. Gei, I.A. Sorokina, (eds.), *Arkheologicheskaya nauka: Praktika, teoriya, istoriya. Sbornik statey pamyati I.S. Kamenetskogo [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Collected papers in the memory of I.S. Kamenetsky]*. Moscow, 220–227.
- Zhdanovskiy, A.M. 2015: Nekotorye voprosy torgovo-ekonomicheskikh svyazey Prikuban'ya v sarmatskoe vremya [Some issues on trade and economic relations of the Kuban Region in the Sarmatian Time]. *Arkheologiya i etnografiya Pontiysko-Kavkazskogo regiona [Archaeology and Ethnography of Pontic and Caucasian Area]* 3. Krasnodar, 95–114.

CATEGORIES OF ANCIENT CERAMICS IN THE KUBAN REGION AND THE INTERFLUVE OF THE VOLGA AND THE URAL: THE PROBLEMS OF STUDYING OF THE FUNCTIONAL USAGE AND ITS ROLE IN BARBARIAN CULTURE

Andrey V. Bezrukov*, Vladislav V. Ulitin**

**Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

buonogiorno@mail.ru

***Kuban State University, Krasnodar, Russia*

ulitin_vladislav@yahoo.com

Abstract. The authors compare the functions and role of various categories of the ancient ceramics in the everyday life and culture of the near and far Barbarian periphery of the Classical World (the settled Meotians and the nomadic Sarmatians of the Kuban region and interfluve of the Volga and the Ural region nomadic tribes).

The comparative analysis embraces the period from the 3rd century BC to the 2nd century AD. Throughout this time, there was the Sarmatian nomadic population and the ancient ceramics was used in both regions. The ceramics was examined by categories (amphorae, Bosporan red clay pottery, perfume vessels, black-, brownish black- and red-glazed pottery, “Megarian” bowls, lagunoi, shaped receptacles, pithoi, lamps, tiles, terracotta figurines, terracotta medallions, etc.).

The analysis shows the ancient ceramics (as well as Greek items transported in ceramic containers) became a part of the Barbarian everyday life and funeral practices in both Kuban and the Volga-Ural regions. The wider assortment of ancient ceramics is recorded in near Classical World's periphery. Through the medium of ceramics, the Greek culture had a significant impact on the Meotians and the Sarmatians of the Kuban region as well as close Classical World's periphery. In comparison with other import ceramic categories (Kuban, Don, Middle Asian centers wheel-made pottery), the ancient ceramics took significant place neither in culture nor trade links of far periphery (interfluve of the Volga and the Ural region) nomads even at the height of trade relations with the Classical World.

Keywords: Kuban region, Volga, Ural, nomads, ceramic import, Maeotians, Sarmatians, periphery